

былъ предметомъ таинственной любви Пушкина, о которой поэтъ говорилъ не иначе, какъ самыми туманными намеками; кто была эта красавица, которую Пушкинъ въ своемъ донъ-жуанскомъ слискѣ скрылъ подъ буквами «N»; которую онъ воспѣлъ въ «Полтавѣ» подъ именемъ Маріи Кочубей; которая вдохновила его на «Бахчисарайскій фонтанъ» и на рядъ чудныхъ лирическихъ стихотвореній? Историки литературы давно уже ходятъ вокругъ этого вопроса, и каждый выдвигаетъ свою красавицу. Гершензонъ указываетъ на кн. Марію Голицыну, Щеголевъ на Марію Раевскую, вышедшую замужъ за декабриста Волконскаго. Теперь Губеръ выискиваетъ еще одну претендентку — кн. Наталію Кочубей. Задалъ-же Пушкинъ задачу своимъ біографамъ! У каждаго находятся всѣскіе доводы въ пользу своей красавицы. Думаемъ, что это — такой же неразрѣшимый ребусъ, какъ и вопросъ о личности перваго Лжедмитрія: отличный оселокъ для изощренія исследовательскаго остроумія безъ надежды дойти до окончательнаго разрѣшенія вопроса; известно, что досужіе люди очень любятъ заниматься подобными парадоксами. Все же намъ сдается, что наибольшіе шансы въ этомъ загроможденномъ соревнованіи на сторонѣ Маріи Раевской-Волконской. Повидимому Губеру осталась неизвѣстная работа Соколова — «Двѣ Маріи», и онъ не посчитался съ приведенными тамъ доводами, которые сильны своею совокупностью. Интересны во второй своей части записки поэта Садовникова о встрѣчахъ съ Тургеневымъ на пятницахъ у Полонскаго. Здѣсь подробно записано все, что говорилъ Тургеневъ, и среди этихъ рѣчей встрѣчаются любопытные отзывы Тургенева о литературныхъ явленіяхъ и любопытныя сообщенія о процессѣ его собственнаго творчества. Письма Короленко къ Горьфельду и Льва Толстого къ Аполлову также содержательны и интересны.

А. Кизветтеръ.

Проф. Р. Випперъ. «Круговоротъ Исторіи». Издательство «Возрожденіе». Москва — Берлинъ.

«Круговоротъ Исторіи» Р. Ю. Виппера — сборникъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ (вѣсь кромѣ одной, болѣе ранней) въ 1920 году.

Общее всѣхъ ихъ — при различіи темъ — идея гибели нашей культуры и въ то же время отказъ отъ ея основъ. По опредѣленію самого автора это «критика системы жизни и міровоззрѣнія XIX-го вѣка». Рядомъ съ историкомъ, констатирующимъ факты, мы слышимъ моралиста, произносящаго надъ ними свой приговоръ. И оба голоса сходятся, подкрѣпляя другъ друга: «Ни одна цивилизація не разлагалась такъ головокружительно быстро — буквально от-

дѣла не усѣвъши расцвѣсть» — говоритъ историкъ (6). «Туда ей и дорога, этой нигилистической, рвущей традиціи, разсудочной и сухой культурѣ (16)» — соглашается моралистъ: «Вернуться къ забытымъ и утраченнымъ цѣностямъ, прикинуться къ землѣ, коснуться нетронутыхъ силъ природы!..»

Исторія сдѣлаетъ навстрѣчу этому зову: возвращается варварскій вѣкъ съ его мелкими корпораціями, дружинами, сектами, цехами, натуральнымъ хозяйствомъ, крѣпкой семьей, личной удалью (30)..

Только бы радоваться такой перспективѣ! Почему же не весело отъ нея сердцу не только читателя, безнадежно зараженнаго демократическими плоскостями, но и самого Р. Ю. Виллера: вѣдь отъ «Круговорота» его вѣетъ не радостью освобожденія, а самой подлинной меланхолей. Откуда этотъ траурный духъ? Намъ думается — такова участь *всѣхъ* ищущихъ утѣшенія въ прошломъ. Историки, по профессіи своей глядящіе въ прошлое, только ярче другихъ подтверждаютъ этотъ «законъ».

Но вѣдь исторія не всегда эгоична. Вѣдь известны примѣры того, какъ исторія наполняла людей энтузіазмомъ активной борьбы и дѣйствія. Взять хоть бы Французскую Революцію съ ея обожаніемъ античнаго міра? Совершенно вѣрно. Есть исторія и исторія. Есть въ исторіи живая вода, мѣшалоющая прошлому превратиться въ покойника, горячій солнечный лучъ, прогоняющій лунныя чары.

Это — идея прогресса, все равно въ какой формѣ, въ какой конкретной, теоретической оболочкѣ. Отсѣкните минувшее отъ будущаго; изгоните изъ исторіи идею прогресса, и оно превращается въ «прошлое», «капнувшее въ Лету», «утраченное»... Мало того; искажится и настоящее. Въ настоящемъ, вѣдь, два элемента — соприкосновеніе двухъ стихій, уводящихъ въ противоположные дали. Смѣшеніемъ живой воды (будущаго) и мертвой воды (прошлаго) создается живое тѣло исторіи. Съ отказомъ отъ устремленія въ будущее живая вода въ немъ иссякаетъ, и тѣло заражается смертью.

Изученіе прошлаго не есть простое направленіе историческаго телескопа назадъ, наблюденіе «бывшихъ фактовъ». Исторія есть изученіе *настоящаго*, но въ перспективѣ многихъ человѣческихъ поколѣній. Изъ точки, въ которой будущее переживается въ прошломъ, историкъ смотритъ назадъ, но онъ смотритъ туда *изъ нея*, т. е. не разрывая ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ. Стоитъ сдѣлать изъ точки одинъ шагъ назадъ, и перспектива искажается: изъ солнечнаго міра реальности мы погружаемся въ лунное царство сна. И какими бы шутками мы ни расшучивали потомъ это царство, какими звучными призывами ни вливали бы въ него краски жизни, оно останется для насъ меланхолическимъ міромъ «бывшаго»:

движенія его останутся движеніями персонажей сна, которые тоже, вѣдь, двигаются и дѣйствуютъ, совершая даже подвиги, какихъ ни одному человѣку не совершить наяву.

Въ этой своеобразно искаженной исторической перспективѣ и рождается идея «круговорота» — *миамага* движенія, не связаннаго съ развитіемъ и похожего скорѣе на странную и мало связаную толчею.

Реально ли въ самомъ дѣлѣ историческое движеніе? Не есть ли оно иллюзія? Оторвавшись отъ «солнечной» точки настоящаго, мы, дѣйствительно, легко принимаемъ иллюзію за реальность, но только въ обратномъ смыслѣ: — вдаваясь въ *иллюзію неподвижности*, превращая развитіе въ бѣгъ на мѣстѣ. Оторвавшись отъ сдерживающаго центра, «факты прошлаго» пылью устремляются въ необъятную даль, въ которой мы не различаемъ уже ихъ, а только смутно ощущаемъ такой масштабъ, въ которомъ всякое движеніе вытягивается въ неподвижность, всякая линія кажется точкой.

Наша цивилизація, наши сколько-то тамъ вѣковъ — да вся наша эра — маленькій эпизодъ «современной» исторіи.

Древнѣйшіе историческіе народы — Египетъ, Вавилонъ — только болѣе ранніе эпизоды той же эпохи. «Средневѣковье» и «новое время» уходятъ въ загадочную даль доисторическихъ культуръ неолитиковъ, за которой только черезъ новые десятки тысячелѣтій мерцаетъ настоящая древность палеолитиковъ. Въ этихъ геологическихъ масштабахъ безпомощно тонетъ не только привычная схема поступательнаго движенія исторіи, но и самый «круговоротъ»: исторія застываетъ, какъ застываютъ созвѣздія на видимомъ небѣ. Есть ли въ небѣ движеніе? Для нашего земного взора нѣтъ; самое большее есть какое-то загадочное «движеніе въ созвѣздію Геркулеса». Такъ и въ исторіи: если и есть движеніе, то во всякомъ случаѣ въ законахъ его «нѣтъ человѣческой логики» (191); для насъ оно «странно» и какъ бы не существовать. Когда, откуда пришли къ намъ завоеванія культуры? Никто не знаетъ. Все забыто навѣки. «Сколько глубокихъ знаній, навыковъ, проникновеній въ природу утрачены человѣчествомъ и лишь отраженно напоминаютъ о себѣ въ древнихъ мифахъ». Кажущееся намъ новымъ все давно уже было и повторялось не разъ. Катилины, Цезари, основатели религіозныхъ системъ, гражданскія войны, коммунизмы, феодализмы, имперіализмы подъ различными небесами, въ различныхъ костюмахъ, у разныхъ народовъ повторяли сами себя. И если наши побрякушки — машинная индустрія, демократія, пацифизмъ — подлинно «изобрѣтенія» нашей эпохи, то развѣ въ нихъ дѣло?... Гражданскія войны съ ихъ демагогіей, коммунизмомъ, героями? Были, и какія еще!.. Войны вообще? Всегда люди дрались и будутъ

драться: въ этомъ выходъ для ихъ героическихъ чувствъ. Женскій вопросъ? Отголосокъ древняго царства женцилъ. Машинная техника... И та была въ Вавилонѣ.

Пожалуй и круговоротъ тутъ только иллюзія. Во-первыхъ, круговоротъ есть все же движеніе, а въ исторіи движеніе неразлично. Во-вторыхъ, круговоротъ предполагаетъ какую-то логику — наязанность отношеній, детерминизмъ. А это уже совсѣмъ не подходитъ къ исторіи. Въ этомъ отношеніи «круговоротъ» не лучше «прогресса». Р. Ю. Випнеръ слишкомъ скептикъ, слишкомъ «мудрецъ», чтобы повѣрить въ историческую логику, принять въ серьезъ историческіе «законы».

Но если и не круговоротъ, то что же? Не толчея ли? Вздываются на поверхности жизни пузырьки — поднимаются и лопаются. — иногда крупнѣе, иногда мельче, то съ трескомъ, то беззвучно. Вотъ и вся человѣческая исторія. Когда-нибудь поднимутся послѣдніе пузырьки, лопнутъ въ послѣдній разъ... А, можетъ быть, всегда будутъ подниматься и лопаться, подниматься и лопаться...

Когда человѣкъ здоровъ и не слишкомъ усталъ, ему всегда отраднo проснуться, иногда даже отъ самаго счастливаго сна къ самой безотраднoй дѣйствительности. Въ самомъ счастливомъ снѣ для живого челоука всегда есть какой-то минусъ, что-то отпугивающее, зовущее проснуться. Въ отказѣ отъ настоящаго, въ созерцаніи *отрваннаго отъ будущаго* прошлаго есть всегда какая-то горечь утраты. «Увидимъ небо въ алмазахъ, услышимъ ангеловъ, отдохнемъ...» Радостно видѣть алмазы и слышать ангеловъ. Но еще радостнѣе иногда слышать свистъ паровоза, увидѣть грязныя фабричныя трубы, прочесть газету со статьями о Лигѣ Націй, о коммунизмѣ и даже о «прекращеніи войнъ»... Прекрасно холодное мерцаніе «неподвижнаго» неба. Но милѣе нашему глазу движеніе по своду нашего земнаго горячаго солнца, бѣгъ близкихъ намъ облаковъ, трепеть зеленыхъ деревьевъ въ лѣсу... Любимъ мы и *нашу* исторію, съ *нашимъ* средневѣковьемъ и съ *нашею* древностью, любимъ почерпнуть изъ нея ощущение прогресса, дающее намъ опору въ текущей борьбѣ за жизнь, за выбранное нами самими лучшее будущее... Въ этомъ же сила для насъ и *нашей* «цивилизациі», *нашей* «демократіи» и нашего «пацифизма». Не промѣняемъ мы ихъ ни на какіе героическіе сны, ни на какіе Тацитовскіе лѣса, ни на какія «забытыя мудрости» Вавилоновъ и Атлантиды... Прежде чѣмъ приняться на «собираніе остатковъ культуры», мы хотимъ еще побороться за нее, за всю цѣликомъ...

Романтики не разъ уже звали насъ отказаться отъ демократіи во имя свободной и сильной личности, во имя красоты неравенства. Р. Ю. Випнеръ идетъ отчасти по ихъ стопамъ. Но не идетъ какъ-

то Випперу это слово. Романтизм связанъ съ вѣрой во что-то. Романтизмъ что-то *знаеть* за предѣлами обыденности. Ему присущъ религиозный наивъ. Р. Ю. Випперъ и въ мечтахъ своихъ остается позитивистомъ и скептикомъ. Не назовешь Р. Ю. Виппера и реакціонеромъ. Онъ вообще не политикъ, не пропагандистъ и не проповѣдникъ. Его не представишь себѣ ни апостоломъ новой вѣры, ни трибуномъ пароднаго митинга, ни организаторомъ какихъ-нибудь красныхъ или бѣлыхъ дружинъ. Онъ — то, къ чему призываетъ насъ всѣхъ въ одной изъ статей «Круговорота» — *цеховой работникъ*, мастеръ ученаго цеха — цеховой, въ томъ лучшемъ значеніи, которое онъ самъ вкладываетъ въ это слово. Какъ историкъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что наша культура погибла. Какъ мастеръ интеллигентскаго цеха, онъ не измѣняетъ своему профессиональному долгу и зоветъ насъ собирать и хранить остатки погибшаго міра. Какъ истинный «цеховой», Р. Ю. Випперъ всегда любовно и бережно относится къ своему «ремеслу», любя его какъ искусство, вкладывая въ него себя самого, со всей своей внутренней жизнью. Въ этомъ отношеніи онъ никогда не отрывался отъ «солнечной точки». Въ цѣльномъ, любовномъ отношеніи къ духовнымъ цѣностямъ культуры и къ нашей «цеховой традиціи», въ вкладываніи частички себя въ каждую свою работу и еще — въ свободѣ отъ догматизма и истинно-аристократическомъ презрѣніи къ модѣ заключается несравненная цѣнность всѣхъ статей и лекцій Р. Ю. Виппера.

Въ этомъ огромный притягательный интересъ и «Круговорота Исторіи».

Ив. Херасковъ.

Русская Школа за рубежомъ. Книга I. Прага 1923 г.

Необходимость педагогическаго журнала, выражающаго педагогическія теченія и отражающаго дѣятельность русскихъ учебныхъ заведеній за границей, была сознаана давно не только отдѣльными педагогами, но и близкими къ школьному дѣлу общественными организациями. Однако, попытки созданія такого журнала увѣнчались успѣхомъ лишь наканунѣ перваго Съѣзда дѣятелей средней и низшей школы въ Прагѣ. Инициаторами и редакторами новаго журнала явились проф. С. I. Гессенъ, прив.-доц. С. I. Карцевскій и преподаватель русской гимназіи въ Прагѣ В. А. Ригана.

Первая задача новаго журнала — «работать надъ возможно большимъ объединеніемъ русскихъ зарубежныхъ школъ, русскаго зарубежнаго учительства». Второй задачей редакція ставитъ себѣ знакомство и «тѣсныя, дружескія отношенія съ иностранной шко-